

ФИМИНА ВОЙНА

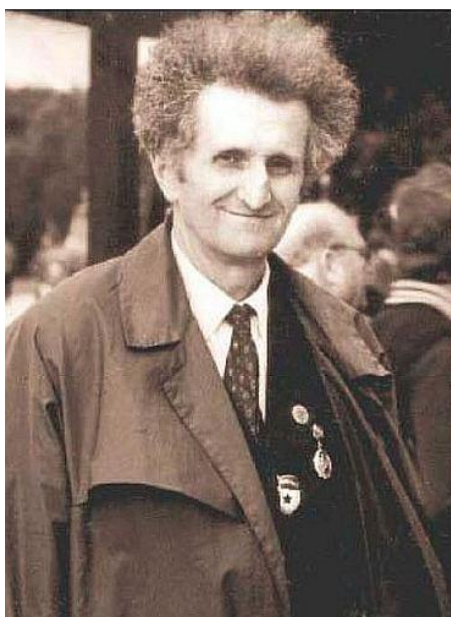
Эта копия письма, написанного от руки, без даты, адресованного американской подруге, которая собиралась написать статью о своем визите в Эстонию, была передана мне автором, моим кузеном Фимой Зайдельсоном.

Письмо немного отредактировано, чтобы его было легче читать.

Esther Menell.

Перевод с английского: Р. Брашинский, М. Рыбак

... Я хочу сказать тебе еще раз, что статья обо мне, опубликованная в "Daily Mail"¹, содержит много неточностей, которые в целом создают

неправильное впечатление обо мне, как о какой-то особенной жертве. Я не страдал от советского тоталитарного режима больше, чем большинство моих соотечественников, а даже меньше, чем многие из них. Меня не депортировали из Эстонии как частное лицо, и я не был обвинен Советами в шпионаже в пользу Германии – мой отец был обвинен в этом, а не я – и я не был послан ими в трудовой лагерь в Арктике. Я на самом деле не знаю, может быть из-за моего плохого английского, журналистка, интервьюировавшая меня, не поняла некоторых моих объяснений, или она просто хотела сделать рассказ обо мне

более сенсационным.

На самом деле, я разделил участь многих тысяч эстонцев, которых мобилизовали в Красную Армию вскоре после начала войны между Советским Союзом и нацистской Германией. 3 июля 1941 г., на одиннадцатый день войны, меня, вместе с другими военнообязанными эстонцами (нас было около 20 тысяч), мобилизовали, переправили морем в Ленинград, а оттуда поездом в город Казань на Волге, где мы прошли кое-какое краткое военное обучение. Оснащение и обмундирование у нас

¹ 4.7.1998, следовательно, письмо написано в 1999 году (смотри далее в тексте) {M.R.}

вскоре забрали, и отправили поездом на Урал, в город Челябинск, где всех нас поместили в трудовые лагеря, официально именуемые трудовыми батальонами или колоннами.

Нас разместили в землянках. Условия были ужасными. Надо было выполнять тяжелую работу, к которой многие из нас не привыкли, а кормили очень скудно. Если кто-то заболел или был истощенным, как я – он получал в день 400 граммов черного хлеба и две миски водянистого супа с двумя или тремя ломтиками картошки в нем. Наши командиры – в основном татары и русские, сержанты и старшины – даже не понимали, кто мы такие, считали нас захваченными в плен «фашистами» и соответственно с нами обращались.

И я должен сказать, что условия содержания немецких военнопленных были гораздо лучше наших. Многие тысячи мобилизованных эстонцев, которых держали в трудовом батальоне, умерли от болезней и голода. После двух месяцев в трудовом батальоне я был близок к смерти – измученный, с открытыми ранами на ногах. Я не мог передвигаться от слабости, не мог добраться до бани, чтобы избавиться от вшей, которые ползали по мне. В середине января 1942 г. меня обследовала медицинская комиссия. Врачи не знали, что я понимаю по-русски, и я слышал, как они говорили о том, что они освободили бы меня, но практически не было шансов, что я останусь в живых. Я все же попросил их отпустить меня к моему отцу, который эвакуировался из Эстонии в город Саратов на Волге.

По решению медицинской комиссии меня отпустили (официально демобилизовали) из трудового батальона, и мне дали документ, подтверждающий это. Мне стоило больших трудов добраться до моего отца, который жил в Саратове со своей сестрой – ленинградкой, тоже эвакуированной туда.

Я был ходячим скелетом в тряпье и лаптях, и когда я ковылял к челябинскому вокзалу, русские женщины при виде меня крестились и пытались дать мне что-нибудь из еды. Милиционеры не хотели пускать меня в здание вокзала. Они не верили, что такой бродяга, как я, мог быть демобилизованным солдатом Красной Армии, и я повторял снова и снова, что меня «отпустили». Милиционер думал, что я уголовник из тюрьмы, и выставил меня вон. Когда я снова обратился к нему и показал ему документы, он впустил меня. Меня направили на санитарную обработку, которая в те времена была на каждом вокзале СССР. Надо было снять свою одежду и отдать, чтобы ее дезинфицировали. Когда вши были уничтожены, одежду отдавали назад. Но я был слишком слаб, чтобы снять

свое тряпье, и один мужчина, якобы помогая мне раздеться, украл у меня все деньги, на которые я должен был купить билет до Саратова.

Я был в состоянии полного нервного срыва. Я сидел и плакал как ребенок. Доктор, который разговаривал со мной, выслушав мою историю, сказал, что он верит мне, несмотря на то, как я выгляжу. Он сказал, что должен быть со мной откровенным – в моем состоянии мне не добраться до Саратова живым. Он добавил, что положил бы меня в больницу, но это невозможно. Все больницы заполнены ранеными, привезенными с фронта, и для меня там места нет. Добросердечная медсестра принесла мне железнодорожный билет до Саратова и помогла сесть в поезд. Дорога до Саратова заняла двое суток, и все это время я пролежал на верхней полке вагона. Я сумел добраться до места просто чудом. Опять русские женщины крестились, когда я проходил мимо, и кто-то показал мне дорогу, как добраться до необходимой мне улицы и дома. Когда я пришел туда, моя родная тетя не узнала меня и захлопнула передо мной дверь, сказав, что ей нечего дать мне. Когда я снова постучал в дверь и сказал, что я ее племянник, она потеряла сознание.

Мой отец, работавший в Таллинне до войны инженером-химиком на одном из предприятий, должен был сопровождать лабораторное оборудование в Россию и вынужден был эвакуироваться отдельно от моей мамы в середине июля 1941 г. Он должен был встретиться с ней и ее матерью (моей бабушкой) и моими тетями на следующий день в Ленинграде. У них были зарезервированные места на поезд в Россию. Для всех эстонских евреев эвакуация в Россию была единственным способом спастись от рук нацистов, если те захватят Таллинн. К тому времени немецкие войска уже достигли южных границ Эстонии. Их продвижение было приостановлено сопротивлением Красной Армии. После тяжелых боев Таллинн был захвачен нацистами только в последний день августа.

Отец в течение нескольких недель ожидал маму в Ленинграде, но ни она, ни бабушка, ни мои тети в Россию не приехали. Потеряв всякую надежду дождаться их, он вместе со своей сестрой, жившей в Ленинграде, эвакуировался в Саратов.

Когда отец увидел меня в таком ужасном состоянии, он был в шоке. Он делал все, чтобы снова поставить меня на ноги. В Саратове его определили на работу в качестве инженера на большое предприятие, где сотрудники получали более высокие пайки. Он сумел найти для меня очень хорошего врача и пытался хорошо меня кормить, но выздоровление шло медленно. С моего возвращения прошло несколько недель, когда в одну из февральских ночей 1942 г. в нашу комнату ворвалась милиция, провела обыск, арестовала моего отца и увела его. Моя тетя, пережившая

сталинские чистки 30-х годов в Ленинграде, сказала мне, что я никогда больше не увижу своего отца.

К счастью, она была не права. Позже мы узнали, что отец был обвинен в шпионаже в пользу Германии. Его доставили в Москву и поместили в главную тюрьму для политических «преступников» - Лубянку. Когда отец запротестовал – я еврей, зачем мне шпионить в пользу Германии? Они ответили, что Троцкий тоже был немецким шпионом. Он выдержал месяцы допросов, несмотря на то, что голодал. Они обещали хорошо его покормить, если он сознается, что он шпион. Он отказался, и, в конце концов, через восемь месяцев отсидки в тюремной камере, его оправдали и выпустили. В тюрьме он потерял больше половины своего веса, но был счастлив, что остался в живых.

Но пока мы с тетей ничего не знали о судьбе моего отца и вели нищенскую жизнь в Саратове. Когда я стал чувствовать себя получше, я пошел в военкомат, чтобы поступить на службу в Красную Армию. Я горел желанием бороться с нацистами – для меня, еврея, они были самыми ненавистными врагами. Мне также было стыдно находиться в тылу, когда все молодые люди моего возраста воевали на фронте. Но мне отказали, когда узнали, что я из Эстонии. Через какое-то время я снова обратился в мобилизационный отдел, не упомянув об эстонских корнях – в моем паспорте было сказано, что я родился в Петрограде (Ленинграде, Петербурге) и что я еврей – все прошло гладко, и меня зачислили в Красную Армию.

Я воевал в пехотном стрелковом отряде, и первый раз был ранен, когда мы освобождали от нацистов Смоленскую область в августе 1943 года. Я должен сказать, что люди, с которыми я вместе воевал в полку, а там были представители многих национальностей СССР – русские и украинцы, белорусы и татары, узбеки и евреи – хорошо относились друг к другу, и не было разногласий, основанных на национальности или расе. Отношения между солдатами, сержантами и офицерами тоже были хорошими. Настроение в Красной Армии в то время было приподнятым, желание одержать победу над нацистской Германией было огромным, и все воевали храбро.

Мы проходили через многие мили сожженной земли и видели, какие страдания принесли нацистские агрессоры народу. И если Сталин и имел какие-то бесчестные планы относительно будущего Европы – солдаты Красной Армии не знали об этом ничего – они считали, что воюют за освобождение их Отчизны от нацистского ига и были полны желания помочь странам Европы, оккупированным Германией, обрести свободу. И

не их вина была в том, что случилось все не так, и один тоталитарный режим сменился другим.

Меня очень воодушевляла мысль, что я воюю на одной стороне баррикад с моими приятелями из английской школы. Материальная помощь английских и американских союзников очень чувствовалась в Красной Армии. Я помню канун Нового года в госпитале, когда всем раненым красноармейцам раздали посылки с подарками из США. Они были посланы американскими семьями, там были конфеты, шоколад, вязаные шерстяные носки и перчатки и много других красивых вещей. В каждой посылке было письмо с теплыми словами благодарности, адресованные раненым солдатам за их вклад в общее дело союзников и добрые пожелания. Так как я был единственным знающим английский язык, я переводил эти письма всем, и видел, какие они были сердечные. Во всех письмах выражалась надежда, что дружеские отношения между союзниками будут продолжаться долгие годы и после войны. Кто из них знал, что вскоре после победы антигитлеровской коалиции над нацистской Германией начнется холодная война.

После госпиталя, где я провел 4 месяца, залечивая рану, я должен был прибыть в свой полк, который сражался к тому времени в Белоруссии. Но по дороге туда мне стало известно о существовании Эстонского стрелкового корпуса Красной армии, и я попросил командование отправить меня в этот корпус. История его образования такова:

Осенью 1941 года некоторые эстонские коммунисты высокого ранга обратились к Сталину с просьбой дать разрешение на формирование эстонских национальных подразделений Красной Армии, куда направлялись бы все мобилизованные и военнообязанные эстонцы, включая тех русских, евреев и людей других национальностей, которые жили в Эстонии и были ее гражданами до 1940 года и кого содержали в трудовых батальонах, а также и все этнические эстонцы, которые жили постоянно в России и других частях СССР. Формирование эстонских национальных подразделений было одобрено и началось в феврале 1942 года на Урале. В сентябре 1942 г. на Урале был сформирован Эстонский стрелковый корпус Красной армии, состоящий из двух полков.

Формирование Эстонского стрелкового корпуса сыграло положительную роль, так как спасло тысячи человек от медленной смерти от голода, холода, болезней и тяжелого изнурительного физического труда. Предполагается, что если бы эстонцы остались в трудовом батальоне еще 4-5 месяцев, никто из них бы не выжил. Но, даже добравшись до расположения эстонских полков Красной армии, некоторые из тех, кто служил ранее в трудовых батальонах, были уже в

таком критическом состоянии, что врачи не могли их спасти, и они встречали смерть в госпиталях Эстонского корпуса.

Оснащение и обмундирование, как и рационы питания в Эстонском стрелковом корпусе были обычными, как в любом армейском подразделении. Но было что-то особенное, что отличало Эстонский стрелковый корпус от других подразделений Красной армии. Все они были многонациональными. В Эстонском же корпусе командование, полевые уставы, тренировки, лекции и т.д. – все было на эстонском языке. Это было очень правильно, т.к. большинство эстонцев не знали русского языка, а многие и не научились ему за годы войны, проведенные в России. С другой стороны, некоторые русские из Эстонии, плохо знавшие эстонский язык, прекрасно научились ему во время службы в Эстонском корпусе так же, как и этнические эстонцы из России, которые знали плохо или совсем не знали эстонского.

Офицеры Эстонского стрелкового корпуса были в основном эстонцами. Некоторые из них были офицерами в независимой Эстонии, пережившими репрессии, или разделили судьбу других в трудовых батальонах. Некоторые имели высокие звания, был даже один генерал и несколько полковников. Некоторые офицеры Эстонского корпуса были из этнических эстонцев, живших в России и служивших офицерами в других частях Красной Армии. После формирования Эстонского стрелкового корпуса они были отозваны из своих частей на службу в корпусе.

Командиром Эстонского стрелкового корпуса был назначен генерал-лейтенант Пярн, эстонец с Кавказа, родители которого, как и многие другие эстонские крестьяне – колонисты, переехали туда в 80-х или 90-х гг. XIX века. В его семье всегда говорили по-эстонски. Это был его родной язык, и он знал его прекрасно.

Он получил высшее образование в советской военной академии. Он был очень популярен среди офицеров и солдат Эстонского корпуса. Он любил поговорить с солдатами и иногда пел с ними эстонские народные песни. В основном благодаря ему Эстонский стрелковый корпус не был послан на Сталинградский фронт, что могло бы привести к огромным потерям среди эстонцев, которые могли бы привести к упразднению эстонских национальных частей Красной армии, т.к. их не кем было бы пополнить. Он убедил верховное командование сохранить Эстонский стрелковый корпус в основном для военных действий, предстоящих против нацистов в балтийском регионе. Так даже теперь, когда все названия таллиннских улиц, данные в память сражений Эстонского стрелкового корпуса и некоторых его участников отменены и заменены другими – скромный памятник командиру Эстонского стрелкового

корпуса Лембиту Пярну, установленный в Таллинне вскоре после его смерти в 1970-х перед одной из таллиннских средних школ, сохранен и не разрушен, как многие другие, после восстановления независимости Эстонии.

Первый бой Эстонского стрелкового корпуса был за русский город Великие Луки с декабря 1942 г. до января 1943 г. В то время тяжелые воспоминания о трудовых батальонах были еще свежи в памяти, и некоторые солдаты и офицеры Эстонского корпуса перебежали к немцам. Остальные храбро сражались, несмотря на свирепый отпор врага. Невзирая на значительные потери в живой силе, Великие Луки был освобожден от нацистов. Я не был в этом бою, т.к. тогда еще ничего не знал о существовании эстонских национальных частей Красной Армии.

Когда я, в конце концов, стал служить в Эстонском стрелковом корпусе в марте 1944 г., я с трудом узнал молодых ребят, с которыми уехал из Таллинна в июле 1941 г. и с которыми разделил ужасные месяцы, проведенные в трудовом батальоне. Они все поправились и были в хорошем настроении. Многие из них к тому времени были награждены орденами и медалями за храбрость. Но жестокое время в трудовых батальонах не было забыто. Ходили слухи, что люди, ответственные за отправку эстонцев в трудовые батальоны, где были ужасные условия, были серьезно наказаны. Я до сих пор не знаю, правда ли это. Как бы то ни было, той весной 1944 г., когда я оказался в Эстонском стрелковом корпусе, настроение «ребят из корпуса», как они до сих пор себя называют, несмотря на старость и седины, было приподнятым. И не только потому, что они чувствовали свою принадлежность к побеждающей стороне в войне против нацистской Германии, хотя и это играло свою роль в умах и настроениях тех, кто служил и боролся в рядах Эстонского стрелкового корпуса. Красная Армия стремительно продвигалась вперед, и западные союзники США и Англия готовились к операции «Повелитель». Весной 1944 г. части Эстонского стрелкового корпуса находились в районе Ленинграда, освобожденного уже от блокады. Эстония, которую их заставили покинуть как мобилизованных и военнообязанных почти три года назад – была теперь так близко, только в нескольких дюжинах миль от них. И это было основной причиной их хорошего настроения. Они не были дома и не видели своих родных и близких все эти тяжелые долгие годы и ничего о них не знали. «Ребята из корпуса» прекрасно понимали, что единственный путь возвращения домой в Эстонию лежал через прорыв немецкой обороны, и они были готовы сделать это. И они сделали это!

Я полагаю, что когда 22 сентября 1944 года Красная армия достигла Таллинна, для большинства эстонцев это явилось просто заменой одной оккупации другой, но были также и те, для кого это был большой день освобождения от нацистского ига, т.к. за три года нацистской оккупации Эстонии около 10 тысяч эстонских граждан были убиты, а многие отправлены в тюрьмы и концентрационные лагеря. Но для многих эстонских семей это был счастливый день не по политическим причинам, а потому, что они воссоединились со своими родными, которые вернулись вместе с Эстонским стрелковым корпусом и которых они считали погибшими. Потому что нацистская пропаганда заявляла, что все мобилизованные и призванные советами в 1941 г. погибли в Сибири. И, конечно, что за радость была для «ребят из корпуса» встретить своих родителей, братьев, сестер и любимых после всего, через что им пришлось пройти.

Не было никого, кто бы мог радостно приветствовать меня в Таллинне. Я был готов к этому, так как мои мама, бабушка и тети не эвакуировались в Россию. Все же была маленькая надежда. Она исчезла в тот день, когда я прибыл в Таллинн. Я узнал от соседей по дому, в котором мы жили до войны, что через несколько дней после прихода немцев явились вооруженные пособники нацистов, вывели маму, бабушку и теток из квартиры, погрузили их на грузовики и отправили в тюрьму.

Какая ирония судьбы в том, что точно за неделю до начала войны СССР с Германией, моего дядю – старшего брата мамы, самого богатого в семье - забрали из того же дома вместе с женой и погрузили на грузовик, чтобы выслать в Сибирь вместе с 10 тысячами эстонцев, в основном, богатых, политиков, полицейских и офицеров эстонской армии. Возможно, именно поэтому мама и ее семья не захотели эвакуироваться в Россию. Возможно, они боялись большевиков больше чем нацистов. В случае евреев это был большой просчет. Нацисты не делали разницы между богатыми и бедными, политической ориентацией, молодыми и старыми, мужчинами и женщинами, детьми и взрослыми. Для них все евреи были объектом уничтожения. Я знаю, что мама знала это, но думаю, что бабушка считала немцев очень культурным народом, который не в состоянии совершать такие преступления. И моя мама, и тети, которые были очень преданы своей матери (моей бабушке), не захотели оставить ее одну, когда она решила остаться.

О судьбе 1000 евреев (из 4800, которые жили в Эстонии до войны и были ее гражданами) я узнал из документов Полиции безопасности и СД, которые нацисты не успели захватить с собой и уничтожить до того как бежали из Таллинна, скрываясь от наступавшей Красной армии. Все эти документы находятся в эстонских архивах.

После оккупации Эстонии, немцы сразу же приступили к «решению еврейской проблемы». Они последовательно организовывали антисемитские погромы в оккупированных странах, сразу же после захода войск вермахта. Но им не удалось устроить погром в Эстонии. В Эстонии никогда не было антисемитских погромов. Командир сил безопасности и СД в Эстонии Мартин Зандбергер написал в своем годовом отчете, что у эстонцев «очень слабо развито» расистское мировоззрение. Несмотря на такое отношение эстонцев, нацистам удалось в течение четырех месяцев – с конца августа до декабря 1941 - уничтожить почти всех евреев Эстонии (за исключением возможно 3 или 5 человек). Исключений не было, даже для младенцев или очень старых. Даже евреи, принявшие христианство и полукровки были уничтожены нацистами. В своем годовом отчете/Jahresbericht, охватывающем период с июля 1941 до 30-го июня 1942, Зандбергер пишет: „С началом войны большинство евреев эвакуировалось в Россию ... так что после освобождения Эстонии здесь остался только 921 еврей (468 мужчин и 453 женщины), которые подверглись специальному обхождению. Сегодня Эстония свободна от евреев (Judenfrei)». «Специальное обхождение» означало «экзекуцию» в терминологии нацистской полиции и сил СД. Количество евреев, оставшихся в Эстонии и уничтоженных, было больше упомянутого Зандбергером, но я полагаю, оно было оценено позже. Их было около 1000. Начиная с 1942 года, в Эстонию стали привозить евреев из многих европейских стран - Чехословакии, Венгрии, Литвы, Польши, Франции и самой Германии. Большинство из них были убиты и остались в земле Эстонии. В 1994 году в Клоога, на месте массового убийства эстонских евреев и евреев других стран, при поддержке правительства Эстонии был установлен памятник.

С возросшим чувством злобы и ненависти к нацистам, я принял участие в боях против них в Эстонии и позже в Латвии. Я был ранен второй раз в ноябре 1944, выбивая нацистов из их последнего оплота в Эстонии – острова Сааремаа. В третий раз я был ранен, когда ЭСК сражался против сильной группировки немцев в Латвии в марте 1945 года. День победы я встретил в военном госпитале в Риге. Когда пришла новость о безоговорочной капитуляции немецких войск, в госпитале был большой

праздник. Раненные солдаты, которые могли стоять на собственных ногах, танцевали с медсестрами и докторами (в Красной армии было много докторов женщин). Школьники приносили нам цветы. Победа над нацистской Германией - нацистами, которые хотели уничтожить мой народ и которые сделали столько зла всей Европе – была и остается одним из самых счастливых событий в моей жизни, а День победы остается одним из моих самых дорогих праздников, хотя его и не празднуют в Эстонии в наше время. Я понимаю их чувства, но для меня как еврея это святой день. Мои мысли в тот день в рижском госпитале были и о моих школьных друзьях в Англии, которые сражались вместе с нами в войне против общего врага. Теперь, после моего визита в Англию, я узнал, что многие из моих друзей по школе Bedford Modern отдали свою жизнь за общее дело.

Вскоре после демобилизации из Красной армии в ноябре 1945 года я вступил в компартию, как сделали многие из тех, кто сражались в ЭСК. Я стал работать журналистом в отделе новостей одной из таллинских газет.

Но во время сталинской чистки 1949 года я был обвинен в сокрытии своего буржуазного происхождения. Мои военные заслуги спасли меня от чего-то более страшного, но меня исключили из партии. Меня обвинили также в «контактах с капиталистическим миром». Причиной такого обвинения являлись два письма, которые я послал в Англию. Первое, которое я написал своему классному руководителю в Бедфорд, когда я лежал в госпитале с первым ранением. В письме я писал о сражениях, в которых принимал участие и о нашем общем с Англией деле борьбы против нацистской Германии. Это письмо благополучно прошло советскую военную цензуру и достигло Англии. Я узнал об этом во время моего визита в Англию в прошлом году и даже видел копию с него в школьном архиве. Второе письмо было чисто формальным. Я просил руководство школы в Бедфорде выслать мне копию моего аттестата, который был утерян во время войны, так как я собирался поступить на заочный курс исторического факультета тартуского университета и мне был нужен документ. Оба этих письма, посланных в Англию, квалифицировались как подача сигнала мировой буржуазии.

Это звучало бы смешно и нелепо, если бы последствия не были столь трагичны для меня. Меня выгнали из газеты, где я работал, и мне было запрещено работать журналистом или выполнять любую другую интеллектуальную работу, как тогда говорили – идеологическую работу, даже работу библиотекаря.

Человек, исключённый из партии, был парией. Мои старые коллеги – журналисты отвернулись от меня. Но было что-то, что позволило мне выдержать все трудности, которые мне пришлось пережить. Я влюбился в Лену, мою теперешнюю жену, когда я еще работал в газете, и теперь, когда меня выгнали с работы и поставили в самые низы общества, Лена согласилась выйти за меня замуж. До сих пор я считаю, что она была героиней, сделав это. Единственная работа, которую я смог получить, была простым рабочим на мебельной фабрике.

Я толкал тачку с опилками из заводского цеха в котельную для сожжения. Я был непривычен к физическому труду, и зарплата была очень низкой. Лена работала на радиозаводе. Мы делили трехкомнатную коммунальную квартиру с общей кухней и туалетом еще с одной семьей. Через год после нашей свадьбы родилась дочка, а

через еще 7 лет – сын. Жизнь была нелегкой, хотя конечно не такой тяжелой, как в трудовом батальоне или у тех, кто был сослан в Сибирь. После трех лет работы чернорабочим на фабрике, мой друг, музыкальный и театральный критик, помог мне получить работу библиотекаря в театральном обществе. Но мне приходилось работать там нелегально. Так как мне запрещалось работать на интеллектуальной или идеологической должности, меня оформили как «складского работника» в театральном обществе... Зарплата была такой же низкой как раньше, но там я познакомился с интересными людьми, с эстонскими актерами, театральными критиками и другими эстонскими интеллектуалами, которые также прошли через сталинские чистки.

Шли годы, и что-то изменилось по отношению ко мне. Умер Сталин и в начале шестидесятых, после того как Хрущев доложил о некоторых преступлениях Сталина, атмосфера в СССР стала более мягкой, начался короткий период «оттепели». Мне разрешили вновь заняться журналистской работой, но места в газете не было. Я стал работать архивариусом в Государственном архиве Эстонии и потихоньку восстановил мое прежнее положение. Среди прочих документов, в архиве хранились документы о периоде нацистской оккупации Эстонии, и среди

них документы Полиции безопасности и СД, которые нацисты не успели взять с собой или уничтожить до того, как они бежали из Таллинна.

Я проводил кое-какие исследования, и принял участие в составлении сборника документов о нацистском терроре в Эстонии, частью которого были документы, связанные с холокостом. Этот сборник был издан архивом под названием «Коричневая чума».

Изучение этих документов, особенно документов о холокосте, было для меня очень тяжелым занятием с моральной точки зрения, так

как каждый документ касался ужасной судьбы евреев, оставшихся в Эстонии во время фашистской оккупации. Среди них были моя мама и другие родные – все это разрывало мое сердце. Но я был рад, что этот сборник стал широко известен. В 1994 году, уже во время эстонской

независимости, в Таллинне была издана более полная коллекция документов о холокосте. Составителем была г-жа Евгения Гурин-Лоов, одна из ключевых фигур эстонской еврейской общины. Книга была издана под названием «Шоа – Холокост» на эстонском языке, но с подписями под документами, введением и резюме по-английски.

В архиве я также проводил расследование судеб некоторых солдат и офицеров Красной армии, которые были захвачены в плен немцами и были расстреляны при попытке к бегству, или тех, которые организовывали сопротивление нацистам в лагерях военнопленных.

Военнопленные, захваченные немцами, содержались в ужасных условиях. Международные законы обращения с военнопленными не применялись по отношению к солдатам и офицерам Красной армии. Я писал внештатные статьи в газеты и, через них, многие родственники военнопленных Красной армии смогли узнать о судьбе своих близких. Постепенно я восстановил свои старые позиции журналиста и стал членом Союза журналистов Эстонии и СССР. Я написал также несколько статей о сопротивлении оккупационному нацистскому режиму в Эстонии. Их было

немало, молодых девушек и юношей – эстонцев и местных русских. Большинство из них были казнены нацистами. Так как эти движения сопротивления были организованы и ими руководили в основном коммунисты, то естественно, что в настоящее время о них не упоминается. Однако о сопротивлении эстонцев советскому режиму, который просуществовал 50 лет, написано немало. В то время любое сопротивление режиму могло стоить жизни или многих лет Гулага в сибирских лагерях. Но я думаю, что с годами все найдет свое место в истории Эстонии, включая сопротивление нацистской оккупации.

В этом месте Фима обращается к адресату и извиняется за столь пространное письмо, но повторяет, что он хочет исправить версию событий, напечатанную в какой-то английской газете, которую она могла видеть. И он продолжает:

Я решил, что все обо мне станет намного яснее, если я сам напишу свою историю. Я и не думал, что она получится такой длинной. Я не хотел утруждать тебя чтением. И конечно она не предназначена для публикации. Я думал, что если я открою тебе свою душу, ты меня лучше поймешь. Я бы хотел подчеркнуть, что при всей моей любви и преданности Эстонии, моей родине – к ее вновь обретенной независимости и моей гордости ее успехами – я не подхожу должным образом к тому, чтобы быть упомянутым в твоей статье об Эстонии. Я уверен, что это получится очень интересная статья, которая расскажет американцам более подробно об Эстонии. Но, обладая исторической памятью о событиях Второй мировой войны, отличающейся от памяти многих моих соплеменников и даже противоречащей некоторым из них, я не могу быть примером истинного сегодняшнего эстонца. Принимая во внимание все то, что я пережил во время советского режима – это несравнимо с тем, что пережили многие тысячи эстонцев, которые были сосланы в Сибирь или отправлены в лагеря Гулага. И я буду откровенен с тобой - упоминание меня в статье о современной Эстонии, может особенно раздражить некоторых эстонских читателей. Некоторые из них могут помнить меня как автора статей о Второй мировой войне с русской стороны. Они не могут причинить мне никакого ущерба, так как мы живем в демократической стране, но они могут причинить мне некоторое эмоциональное волнение, а я старый человек, который хочет жить в мире и спокойствии...

Письмо заканчивается лучшими пожеланиями семье и надеждой на встречу. Оно также указывает адрес: Raia 32-27 Tallinn 10152. В конце, после подписи JEFIM SAIDELSON, есть постскриптум.

P.S. Пожалуйста извини за опечатки и помарки.